

УДК 811.161.1'336

Е.В. Хинкиладзе

ЭЛЕМЕНТЫ «РОМАНА О ПИСАТЕЛЕ» В РОМАНЕ В.П. КРЫМОВА «ФУГА»

Сквозной темой беллетристических романов писателя русского Зарубежья В.П. Крымова является тема писателя и писательства. Героем, скрепляющим три романа трилогии «За миллионами» и прилегающего к ней романа «Фуга», является Арсений Аристархов, с молодости думающий о создании какого-либо произведения: начал писать «воспоминания» о своем детстве, но оставил их, не найдя в материале достаточной занимательности. Эти попытки оформлены В.П. Крымовым в виде вставного эпизода в романе «Сидорово ученье», о котором нам уже приходилось писать. В романе «Хорошо жили в Петербурге» герой пробует себя в качестве журналиста, однако занимается, в основном, биржевыми спекуляциями. В романе «Дьяволенок под столом», наименее удачном, на наш взгляд, произведении В.П. Крымова, повествование посвящено эмигрантскому периоду биографии героя, стремящегося выжить, и «писательство» здесь отодвинуто на второй план. Вместе с тем, Аристархов то и дело возвращается к мысли о художественном творчестве. Цель статьи состоит в том, чтобы выявить элементы «романа о писателе» в беллетристическом романе «Фуга», которые позволяют судить о синтезе некоторых жанров в творчестве писателя.

Это произведение, как и наследие В.П. Крымова в целом, в сущности, остались вне поля зрения исследователей. В первом обзоре русской литературы в эмиграции Г.П. Струве ему посвящено несколько наблюдений, связанных с литературным умением изображать «быт дореволюционной русской провинции, раскольниковых сел, светского, чиновного и делового Петербурга, парижской эмиграции. Крымову нередко удаются отдельные, особенно второстепенные, сатирически зарисованные персонажи; он умеет плести нить занимательного рассказа, вводя в роман элемент авантюрно-детективный»

© Е.В. Хинкиладзе, 2015

<http://dx.doi.org/10.5281/zenodo.33007>

[3, с. 94]. Характеризуя роман «Фуга», Г.П. Струве замечал, что в нем «близко соседствуют внешняя литературная умелость, некоторый сатирический дар и отсутствие чувства меры и вкуса. “Фуга”, например, некоторые страницы которой читаются не без интереса, завершается классической по пошлости концовкой» [3, с. 94]. Не являясь поклонником писателя, Г.П. Струве все же отмечал талант и занимательность его произведений. В основательном «Словаре русских писателей» утверждается, что «в образе главного героя трилогии воплотилась центральная идея жизни самого К.<рымова>» [5, с. 185], а в словаре «Русские писатели 20 века», – что «Фуга» является продолжением трилогии «За миллионами» и превращает ее в тетралогию [4, с. 381]. Наблюдений над особенностями поэтики этих произведений пока не сделано, не выявлены в них и элементы различных жанров, причудливо воплощенные в его беллетристике.

Один из них – попытка создать «роман о писателе», в центре которого находится главный герой тетралогии. Страсть к писательству повествователь подчеркивает лейтмотивом – в карманах Аристархов постоянно носил бумагу, на которую заносил удачные выражения, пришедшие ему в голову. «Начинал несколько раз, но рвал. Не нравилось. ”Тупо, бесцветно – разве так надо писать...”». Казалось, что такое: громадное количество матерьяла – прежде всего, понятно, он сам, Арсений. А окружающие: Грабельщиков, Сидор, Додо, Кашеев, Мамон, только списывай натуру. Но ничего не выходило... “Нет фабулы. Отдельные эпизоды, а фабулу пришлось бы выдумывать, притягивать за хвост”. Без фабулы не роман... Но главное – отвлекали дела. Деньги... Это самое главное» [1, с. 35]. Размышления о чем-нибудь высоком всегда завершались у Аристархова мыслью о деньгах: рядом с «творческими» заметками он хранил быстро истлевавшие клочки бумаги с записями о наиболее удачных финансовых операциях.

Свой литературный талант, как и дар финансиста, он использовал для накопления капитала. Так, ему пришла в голову мысль об издании великосветского альманаха, содержащего сведения о родовитых семьях России, но не для утоления писательской жажды, а для того,

чтобы «пролезть ”наверх”». Тщеславие власть имущих, желавших видеть свое имя в альманахе, дало возможность переиздавать его снова и снова, расширить круг знакомств, купить театральный абонемент в первый ряд, вращаться среди знатных и богатых, использовать связи для приобретения капитала. Тоска по писательству, таким образом, всякий раз приобретала у Аристархова выход в практическую плоскость: предприниматель побеждал в нем писателя.

У героя В.П. Крымова нет понимания сакральности писательского предназначения. Свои рефлексии его герой считал интеллектуальными, возвышавшими его над окружающими. Оказавшись в Канаде, он в первый раз смотрел на Ниагарский водопад: «Но это чудо земли не захватывало его. Природа на него мало действовала. Он не любил книг с описаниями природы. Его интересовали движения души, мысль. Искал ярких парадоксов. Кристалликов мысли, которые заминались, заставляли думать – по ним мысль работала иногда годами... Они обогащали мозг – как неугасимые лампы они теплились потом в тайниках мозга всю жизнь» [1, с. 83]. Произведение, которое он, наконец, написал, отличается равнодушием к природе: Аристархов создает такую модель будущего, в котором судьбы мира вершит интеллект и высокоточное оружие. «Это был уже третий или четвертый вариант фантастического романа, где от первоначально замысла не осталось ничего, кроме основной идеи – ”мир будет спасен мудрейшими”» [2, с. 20]. С бумажками, о которых повествователь упоминает во всех романах, как о неперменной детали, правда, происходили нелепости: однажды записав, Аристархов не всегда мог расшифровать записанное. «Такие бумажки он откладывал в сторону, и после, когда-нибудь, гораздо позже, перебирая их, вдруг вспоминал, в чем дело. Иные так и лежали годами нерасшифрованные. <...> Однако не выбрасывал никогда» [2, с. 22].

В «Фуге» настойчиво подчеркивается способность Аристархова к писательской рефлексии. Он то и дело выдумывает афоризмы, размышляет о своем отношении к жизни, к смерти, анализирует ход своих мыслей и творческие неудачи. «Думал опять об этой главе, следил, чтоб мысль не прыгнула в сторону, рядом с ней направил

другую, которая караулила бы главную. В конце концов обе согласились, что не выходит ничего. Взял книгу, начал читать и бросил. "Читать, читать, сорок лет читать... А когда же творить самому?.. Идешь по линии наименьшего сопротивления – все читают, но толку от этого мало"» [2, с. 41]. В.П. Крымов подчеркивает повышенный интерес Аристархова к книгам, о чем в предшествующих трех романах догадаться было сложно. Довольно смешно в устах героя звучит развернутая реминисценция из «Вечных спутников» Д.С. Мережковского. В предисловии к ней писатель-символист, как известно, говорил о вневременной ценности книг, которые последующие поколения всякий раз прочитывают по-новому. У Д.С. Мережковского книги назывались «спутниками» человечества. У В.П. Крымова стареющий Аристархов думает: «... были еще книги. Но книги – не вещи, "книги – друзья". Исчерканные, с пометками, со вклеенными вырезками – он взял их с собой, передвигаясь из страны в страну, и их количество росло. <...> Он брал одну, две, три с полком, раскрывал, где отмечено, еще раз отчеркивал карандашом или даже чернилами. Удивлялся, почему не отчеркнул этого раньше, почему тогда это не показалось важным и ценным» [2, с. 28]. Внезапное одухотворение Аристархова, его пристальное внимание к сфере литературы и искусства связываются автором с невозможностью в эмиграции накапливать миллионы.

В размышлениях о сути писательского творчества Аристархов является прямым последователем Кащеева. Как и хозяин газеты, он исповедует суворинскую «эстетику»: «Образы и аллегории редко уместны. Современные писатели сажают их всюду насильно, притягивают за хвост... Выходит приторно и манерно» [2, с. 42], полагает, что книга должна быть написана «тонко», а он, в отличие от даровитых мастеров, пишет «разумом, логикой, а не вдохновением» [2, с. 43]. Формулирует он и соображения о композиционных особенностях романной формы. По мнению Аристархова, наиболее важная его часть – это финал, который должен быть написан так, чтобы читателю запомнился именно он, или оставался открытым для проявления фантазии и сотворчества.

Содержатся в «Фуге» и размышления о повествовательной технике. Так, обнаружив, что герой его романа все время действует, он задумался: «Кто, собственно, в романе должен думать? Все, некоторые или только тот, чьими устами говорит автор или, наконец, откровенно сам автор? В романах фантастических или детективных – обычно не думает никто, только действуют и говорят, а читателю предоставляется догадываться, что они думают. У него роман фантастический, значит, тоже никто не обязан думать?.. У Достоевского думают почти все – автор всегда знает их мысли и рассказывает, если надо, читателю... У Льва Толстого тоже автор знает мысли всех. У Шекспира не думает никто, потому что в театральных произведениях думать нельзя... У Пруста почти нет действия, а главный персонаж все думает... У Диккенса герои думают, но изредка и не все... У Диккенса вообще нелогично – подумает герой один раз в начале романа, а дальше на четырехстах страницах уже ни разу не думает... Иные справляются с этим вопросом по особому. Вот Бернард Шоу. Так как на сцене нельзя думать, то он к своим пьесам пишет предисловия, которые больше и ценнее самих пьес. Решил, что в его романе должен думать только Олонов, а мыслей других автор не знает» [2, с. 107]. Здесь В.П. Крымов представляет основы нарратологии, примитивно изложенные героем, ничего не понимающим в теории литературы. Содержится в «Фуге» и взгляды писателя на автобиографического героя и писательское мастерство.

Аристархов полагал, что «настоящий писатель творит своих героев. Он создает их своей фантазией и потом они становятся реальными, входят в жизнь... Они мыслят самостоятельно... Независимо от автора, даже вопреки автору. А я вкладываю Олонову свои же мысли, я сам думаю, как он. Это не творчество. <...> У Достоевского и Шекспира героям даются только кусочки авторской души, а я весь целиком в своем Олонове... Их хватило на десятки книг, а меня и на одну не хватает. <...> Я пришел к выводу, что лучшая манера та, о которой сам писатель не думает. Настоящий талант в том и заключается, что он не рассматривает своего произведения под микроскопом, не обсуждает его архитектоники, а пишет, не думая о ней, в

результате получается цельно и логично...» [2, с. 250]. В.П. Крымов в «Фуге» использует своеобразную композицию «романа в романе»: произведение об изобретении гениального ученого, написанное Аристарховым, совмещено с повествованием о последних годах жизни его автора.

Обосновывая семантику заглавия, В.П. Крымов предваряет текст романа эпитафией, в которой поясняет, что такое фуга как музыкальная форма. В эпитафии содержится и, так сказать, объяснение композиционных особенностей романа: «Составной частью фуги является эпизод, которых может быть много, и в них развивается главная тема или ее подчиненные, даются контрасты и иллюстрации... Вторичная, менее важная или сопровождающая тема, может позже захватить главную и доминировать над ней. В тех случаях, когда вторичная тема приобретает ту же важность, что и основная, фуга именуется "двойной фугой" или "фугой с двумя темами". В наиболее законченной разновидности двойной фуги обе темы получают отдельную трактовку, но в конце сливаются...» [2, с. 5]. Автор выдерживает заявленное соотношение двух тематических пластов романа.

Один из них связан с историей жизни Арсения Аристархова, который, оказавшись в Европе, отошел от предпринимательства и предался, наконец, исполнению своей мечты – писательству. Его роман, эпизоды которого прерывают основную линию повествования, и создает многоголосие «фуги». Однако в тематический пласт романа, посвященного писательству Аристархова, вводятся авантюрно-приключенческие элементы: поездка героя в Россию и убийство немецкого шпиона, совершенное Кэтти. Аристархов также работает над утопией, главным героем которой является гениальный ученый Олонов: мы говорили о ней в связи с утопиями 1930-х гг.

Гармоническое соотношение двух тематических пластов романа «Фуга», заявленное в эпитафии к роману, автор разрушает авантюрным элементом, связанным с поездкой Аристархова в Россию по чужому паспорту. Здесь писатель эксплуатирует популярный мотив возвращения домой, который воплощен в повестях А. Ренникова «Диктатор мира» и «Жизнь играет». В отличие от произведений

современника, герои которого либо только решают вернуться, либо погибают по пути домой, В.П. Крымов берется за изображение жизни в большевистской России, которой он, конечно, знать не мог: «Фуга» создавалась в годы, когда перемещение по обе стороны границы было уже почти прекращено. Аристархов решается ехать в Петербург за сокровищами, которые накануне отъезда в эмиграцию положил в дупло большого дерева у своего дома: «...большие изумрудные серьги, купленные по случаю, старинный браслет с рубинами, два кольца с бриллиантами, старинная золотая табакерка в стиле Людовика XVI, еще несколько золотых вещей и всяких маленьких ценных безделушек» [2, с. 99]. По фотографиям из советской России он убедился, что театр, рядом с которым рос дуб, сохранился, а по словам англичанина, ездившего в Ленинград, понял, что цело и само дерево.

Увлекательно и интересно написаны фрагменты романа, посвященные отъезду Аристархова в Россию: посещение посольств, получение визы, сборы, когда герою пришлось предусмотрительно оставить дома все, что могло бы в нем выдать русского, а также ожидание поезда в Риге, где его сразу же узнал старый русский знакомый. В.П. Крымову удалось передать напряжение героя, атмосферу всеобщей подозрительности, царившую в кругах эмигрантов, где то и дело обнаруживались шпионы и провокаторы. Описание приезда в Ленинград по понятным причинам не содержало каких-либо характерных подробностей советской жизни. Герой не мог взять такси на вокзале и ехал извозчиком, Европейская гостиница, в которой он остановился, почти ничем не отличалась от дореволюционных времен; советских газет он не мог прочесть, поскольку представлялся иностранцем, не владеющим русским. Когда же ему удастся тайком просмотреть газету, он читает не новости, а сообщение о театральных представлениях. Отсутствие какие-либо достоверных деталей жизни в СССР В.П. Крымов компенсировал перенесением повествования с изображения советских реалий на переживания Аристархова.

Однако некоторые детали он все же вводит в «ленинградские» главы «Фуги». Например, Арсений попадает в переполненный транспорт и висит на подножке. Довольно живописно описана сценка в

трамвае, где люди перемазались патокой, выданной после какого-то собрания. Аристархов отмечает запах прокисшей одежды в трамвае и в номере гостиницы. Этот же запах он услышал на Невском, где рассматривал вывески, написанные диким новым языком, и прохожих, одетых бедно и бесцветно. В Эрмитаже, куда он отправился, чтобы убить время, мальчишки лугали семечки и бросали шелуху на пол: само пребывание «оборвышей» в царских палатах казалось Аристархову нелепым. Бывая в Зимнем дворце в прежние времена, он не раз проходил залами, которые видел теперь: они показались ему холодными и безвкусными. «Недостает еще только бумажных вееров на стене и канарейки у окна, тогда была бы полная, честная, мещанская обстановочка... Нужны вожди, нужны сильные индивидуальности, в них спасение культуры и счастье человечества, но не такими должны быть они... Либо по крайней мере сиди за девятью дверями и за двадцатью священными желтыми буддийскими занавесками и не показывайся народу, чтобы не рассеялось обаяние величия» [2, с. 161]. В отличие от экскурсантов из народа, пришедших поглазеть на царскую жизнь, Аристархов сводит с Николаем запоздалые счёты, обвиняя его в мещанском вкусе и в отсутствие интеллекта, приведших Россию к катастрофе.

Завершаются главы о поездке в Ленинград описанием встречи Аристархова с Фишкиным – героем второго и третьего романов трилогии, – который не только узнал его, но и собирался сдать в ЧК, и динамичным и напряженным повествованием о бегстве из советской России. В.П. Крымов мастерски передал внутреннее состояние Аристархова, кратко и точно охарактеризовал его попутчиков, грузчика, таксиста, таможенника, пилота, механика, обнаруживая хорошее знание человеческой психологии и особенностей поведения в экстремальной ситуации. Миллионер, журналист, предприниматель, эмигрант и писатель Аристархов оказывается авантюристом, способным не только провести блестящую финансовую аферу или посредническую операцию, но и на смертельный риск ради денег.

В «Фуге» В.П. Крымовым использован плодотворный для беллетристики прием множественности кульминаций. После описания

благополучного возвращения героя из большевистской России, откуда он вывез огромные для эмигрантов сокровища, писатель вводит еще один авантюрный ход: человек, по паспорту которого он ездил на родину, оказался шпионом. Его случайно убивает Кэтти. Спасая девушку, Аристархов стремится скрыть следы преступления, перевоплощаясь в опытного сыщика. «Арсений напряженно следил за каждым своим движением, боясь, как бы не сделать какой-нибудь неосторожности. Всегда выдает какая-нибудь мелочь, пустяк...» [2, с. 238]. Повествователь подробно описывает, что он делал на месте преступления, как инструктировал Кэтти перешить пуговицы на другую блузку, как уничтожал ее одежду. «Давно известно, что в преступлениях выдает какой-нибудь ничтожный пустяк, который упускает преступник... Предусматривается многое, и то, что предусмотрено, не выплывет, а одна мелочь из ста упускается» [2, с. 244]. Обе кульминации и благополучные развязки находятся в конце «Фуги», задерживая внимание, побуждая читателя дочитать роман до конца, напряженность повествования в котором к середине ослабевала. Такой подход к созданию финала исповедовал и Аристархов-писатель.

Трилогия «За миллионами» и примакающий к ней роман «Фуга» представляют собой интересные и оригинальные беллетристические произведения «первой волны» русской эмиграции. В них синтезированы элементы различных жанров: плутовского, автобиографического, семейно-бытового, авантюрно-приключенческого романа, утопии. Обладающий журналистским талантом и склонный к критическому отношению к действительности, В.П. Крымов показал быт старообрядческой семьи, нравы русской аристократии, охарактеризовал мир балета, столичной газеты, биржи, представил широкую панораму жизни предпринимателей, создал пародию на целый ряд широко известных в России представителей богемы и финансовых кругов.

Литература

1. Крымов В.П. Хорошо жили в Петербурге. Том второй трилогии [Текст] / В.П. Крымов. За миллионами. – Берлин: Петрополис, 1933. – 232 с.

2. Крымов В.П. Фуга. Роман [Текст] / В.П. Крымов. – Париж: Meison du livre etranger, 1935. – 316 с.
3. Струве Г. Русская литература в изгнании / Глеб Струве. – 3-е изд., испр. и доп. Краткий биографический словарь русского Зарубежья [Р.И. Вильданова, В.Б. Кудрявцев, К.Ю. Лаппо-Данилевский. Вст. ст. К.Ю. Лаппо-Данилевского]. – Париж: YMCA-Press; М.: Русский путь, 1996. – 448 с.
4. Трущенко Е.Ф. Крымов Владимир Пименович / Е.Ф. Трущенко // Русские писатели 20 века. Биографический словарь; [гл. ред. и сост. П.А. Николаев]. – М.: Научное издательство «Большая советская энциклопедия», издательство «Рандуеву-АМ», 2000. – С. 380-381.
5. Устинов А.Б. Крымов Владимир Пименович / А.Б. Устинов // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. 3–К. – М.; [гл. ред. П.А. Николаев]. – М.: Научное издательство «Большая Российская энциклопедия», Научно-внедренческое предприятие Фианит, 1994. – С. 184-185.

Анотація

К.В. Хінкіладзе. Елементи «Романа про письменника» в романі В.П. Кримова «Фуга»

У статті розглядається такий елемент белетристичного роману В.П. Кримова «Фуга», як «роман про письменника», який співіснує з елементами інших жанрових форм – романів шахрайського, автобіографічного, сімейно-побутового, авантюрно-пригодницького, утопії. Автор намагається створити героя, здатного до письменницької рефлексії, страждань творчості, відсутності натхнення та до роздумів щодо техніки письма. Герой роману створює власний роман, який за принципом двох тем у фузі становить рівноправну з основною сюжетну лінію твору. «Роман у романі» про вченого є утопією Аристархова, в якій створюється модель майбутнього, керованого мудрішими. В основному сюжеті скомбіновані елементи автобіографічного та авантюрно-пригодницького роману, які надають текстові динамічності детективного твору, в якому злочинцем є головний герой. Подібна еkleктичність, відтворення елементів традиційних жанрів властиві белетристиці, до якої романи В.П. Кримова, без сумніву, відносяться.

Ключові слова: белетристика Зарубіжжя, роман про письменника, роман у романі, автобіографічний роман, авантюрно-пригодницький роман, утопія.

Аннотация

Е.В. Хинкиладзе. Элементы «Романа о писателе» в романе В.П. Крымова «Фуга»

В статье рассматривается такой элемент беллетристического романа В.П. Крымова «Фуга», как «роман о писателе», сосуществующий с элементами иных жанровых форм – романов плутовского, автобиографического, семейно-бытового, авантюрно-приключенческого, утопического. Автор стремится создать героя, склонного к писательской рефлексии, страданий творчества, отсутствия вдохновения и к размышлениям о технике письма. Герой романа создает собственный роман, который по принципу двух тем в фуге является равноправной с основной сюжетной линией произведения. «Роман в романе» об ученом является утопией Аристархова, в которой создается модель будущего, руководимого мудрейшими. В основном сюжете скомбинированы элементы автобиографического и авантюрно-приключенческого романов, которые придают тексту динамичность детективного произведения, где преступником является главный герой. Подобная эклектичность, воплощение элементов традиционных жанров свойственны беллетристике, к которой романы В.П. Крымова безусловно принадлежат.

Ключевые слова: беллетристика Зарубежья, роман о писателе, роман в романе, автобиографический роман, авантюрно-приключенческий роман, утопия.

Summary

E.V. Khinkiladze. The elements of «Novel in the novel» in the novel «Fugue» by V.P. Krymov

The article deals with an element fiction novel “Fugue” by V.P. Krymov as “a novel about a writer” who coexists with elements of other genre forms such as the fraudulent novels, an autobiographical, a family and household, an adventure, an utopia. The author is trying to create a character who capable of writing reflection, the creativity suffering, a lack of inspiration and to reflect on techniques of writing. The hero of the novel creates his own novel, which in principle of two themes in fusion is equal to the main storyline of the work. “Novel in the novel” about a scientist is Aristarkhov’s utopia, which creates a model of the future, managed wiser. Basically the story combined autobiographical elements the adventure and the adventure novel that provide text dynamic detective work

in which the offender is a main hero. This eclectic, playing elements inherent in traditional genres fiction, novels which V.P. Krymov undoubtedly belong.

Keywords: an abroad fiction, the novel about writer, novel in the novel, an autobiographical novel, an adventure novel, an utopia.

Інформація про автора

Хінклядзе Катерина Валеріївна – ORCID: 0000-0002-8292-3495; кандидат філологічних наук, доцент, завідувача кафедри мовної підготовки Національного аерокосмічного університету імені М.С. Жуковського «Харківський авіаційний інститут»; вул. Чкалова, 17, м. Харків, 61000, Україна